

ПОНИМАНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КЛЮЧЕВЫМИ ЦЕНТРАМИ СИЛЫ (РОССИЯ, КНР, США, ЕС)

Юрий БОРОВСКИЙ
МГИМО МИД России

Аннотация: 2020-е гг. не стали более стабильными с точки зрения энергетической безопасности. Пандемия *COVID-19*, оказавшая глубокое влияние на мировую экономику и энергетику, конфронтация между Россией и Западом, затронувшая глобальные поставки энергоносителей, эскалация напряженности на богатом углеводородами Ближнем Востоке, дисбалансы, возникающие в контексте четвертого «энергоперехода» – эти и многие другие факторы дестабилизируют мировую систему энергоснабжения, провоцируя высокую волатильность цен на энергоносители. Подходы государств к проблеме энергетической безопасности остаются во многом стереотипными и включают три базовых компонента: безопасность энергоснабжения, энергетическую независимость, безопасность энергетического спроса. Цель исследования – комплексный анализ современного понимания энергетической безопасности Россией, КНР, США и ЕС с опорой на основополагающие доктринальные документы. Исследование показало, что Россия смотрит на собственную энергетическую безопасность одновременно через призму безопасности энергетического спроса, безопасности энергоснабжения и энергетической независимости. В Китае понимание энергетической безопасности выстроено с фокусом на безопасность энергоснабжения и достижение энергетической независимости в контексте «энергоперехода». Это связано с тем, что Китай критически зависит от импорта углеводородов, а также является крупнейшим в мире источником парниковых газов. Соединенные Штаты, несмотря на приобретение статуса нефтегазового нетто-экспортера, продолжают понимать энергетическую безопасность в смысле безопасности энергоснабжения и энергетической независимости, однако все более усиливают ее трактовку с точки зрения безопасности энергетического спроса. В Европейском союзе, критически зависящем от импорта углеводородов, во главу угла ставится безопасность энергоснабжения, а также энергетическая независимость в контексте «энергоперехода». Россия, КНР, США и ЕС видят энергетическую безопасность в защитном ключе, а США и ЕС – еще и в наступательном. США, ЕС и Россия, в отличие от Китая, политизируют собственное понимание энергетической безопасности. Если Россия

Юрий Викторович Боровский – доктор исторических наук, профессор, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8855-5147. E-mail: yuribor@mail.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-48-10015, международный проект «Трансформация военно-политических, энергетических и социально-гуманитарных аспектов системы европейской безопасности: значение для Союзного государства».

Поступила в редакцию: 26.03.2024

Принята к публикации: 07.05.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

и КНР демонстрируют открытость к международному энергетическому сотрудничеству, то США и ЕС больше настроены на продвижение собственных интересов в энергетической сфере, в том числе через конфронтацию.

Ключевые слова: Россия, КНР, США, ЕС, энергетическая безопасность, безопасность энергоснабжения, энергетическая независимость, безопасность энергетического спроса, энергопереход

Введение

С точки зрения обеспечения энергетической безопасности 2020-е гг. не стали более стабильными для человечества. После экономического спада, вызванного пандемией *COVID-19*, в 2021 г. мир столкнулся с очередным энергетическим кризисом, связанным с неготовностью мировой энергетики к быстрому подъему после окончания пандемии. На фоне возникшего дефицита цены на ископаемые энергоносители и энергию значительно выросли, что стало настоящим испытанием для экономик многих стран.

В феврале 2022 г. Россия и Запад вступили в противостояние в связи с проведением специальной военной операции на Украине. Оно вывело политизацию мировой энергетики на небывало высокий уровень. Дисбаланс европейской и мировой энергетики и новый, еще более резкий, всплеск цен на ископаемые энергоносители и энергию были вызваны двумя факторами: разновекторными санкционными рестрикциями западных стран в адрес топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России, а также остановкой поставок российских углеводородов по привычным трубопроводным и морским маршрутам, в том числе в силу актов терроризма на государственном уровне (подрыв ниток газопроводов «Северный поток-1,2»)¹.

В 2022 г. страны разделились на тех, кто готов и не готов взаимодействовать с Россией в энергетической области. Это размежевание указало, что опрометчивое и форсированное продвижение «зеленой» энергетической повестки при забвении первостепенных императивов энергетической безопасности чревато серьезными экономическими и политическими последствиями для любого игрока. В 2022 г. на нефть, газ и уголь в энергобалансе мира приходилось 82%, в энергобалансе России – 86%, КНР и США – 81%, ЕС – 71%². Это свидетельствует, что ситуация в мировом энергоснабжении кардинально не изменилась с первых мировых нефтяных кризисов 1970-х гг., а четвертый

¹ *Известия* (2023) Путин назвал подрыв «Северных потоков» терроризмом на госуровне. Available at: <https://iz.ru/1587758/2023-10-11/putin-nazval-podryv-severnykh-potokov-terrorizmom-na-gosurovne> (дата обращения: 04.03.2024).

² *BP* (2023) Statistical Review of World Energy. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 12 March 2024).

«энергопереход», предполагающий переключение человечества на возобновляемые и иные углеродно нейтральные источники энергии, случится, при благоприятном исходе, только ближе к середине текущего века.

Цель настоящего исследования – комплексный анализ современного понимания энергетической безопасности ключевыми глобальными игроками для выявления совпадающих и конфликтных интересов, кооперационного и конфликтного потенциала. Россия, КНР, США и ЕС оказывают определяющее влияние на мировую систему энергоснабжения. Россия и США принадлежат к нетто-экспортерам, КНР и ЕС – к нетто-импортерам углеводородов. США и ЕС представляют западный, Россия и КНР – незападный мир. Опираясь на системный, исторический и сравнительный (компаративный) методы исследования, автор изучает доктринальные энергетические документы, выявляя определенные стереотипы и логики поведения рассматриваемых субъектов.

«Энергетическая безопасность» как понятие международного контекста

Термин «энергетическая безопасность» (англ. *“energy security”*) – продукт мировых нефтяных кризисов 1973–1974 и 1979–1980-х гг. С того времени он неизменно трактуется в трех базовых, стереотипных смыслах: безопасность энергоснабжения (англ. *“security of energy supply”*), энергетическая независимость (англ. *“energy independence”*) и безопасность энергетического спроса (англ. *“security of energy demand”*) (Боровский, 2022).

Под энергетической безопасностью в значении безопасности энергоснабжения понимается гарантированный доступ государства, его экономики и граждан к необходимым по объему и приемлемым по цене источникам энергии. Энергетическая безопасность, отождествляемая с энергетической независимостью, означает энергетическую самодостаточность или энергетический суверенитет страны (Schelly, Bessette et al., 2020), то есть ее способность опираться всецело или преимущественно на собственные источники энергии. И, наконец, энергетическая безопасность, сводящаяся к безопасности энергетического спроса, связывается с гарантированным, достаточным по объему и приемлемым по цене сбытом избыточных (для страны-экспортера) энергоносителей на внешних рынках (Sovacool, 2016; Yergin, 2020; Боровский, 2022).

Страны, которые критически зависят от импорта энергоносителей, вполне естественно склонны понимать энергетическую безопасность как безопасность энергоснабжения и энергетическую независимость. Напротив, страны, самодостаточные в энергетическом плане и обладающие потенциалом для экспорта энергоносителей, видят энергетическую безопасность в первую очередь как безопасность энергетического спроса, хотя и для них также важны безопасность энергоснабжения и энергетическая независимость. К примеру, без технологического суверенитета и инвестиций невозможно самостоятельно добывать нефть и газ, перерабатывать и экспортировать их.

В центре трех трактовок энергетической безопасности пока находится ископаемое углеродное топливо (см. статистику выше). При возможной смене «углеродной парадигмы» в середине текущего столетия на место нефти, газа и угля, вероятно, придут другие, также по-разному доступные и дефицитные ресурсы. К таковым относятся, например, редкоземельные металлы, водород, ядерное топливо, без которых пока сложно представить постуглеродную, климатически нейтральную энергетику как настоящего, так и будущего (Борисов, 2020; Гулиев & Соловова, 2021).

Наличие базовых, стереотипных трактовок не отменяет того обстоятельства, что у каждой страны всегда есть свое собственное, субъективное видение энергетической безопасности. Оно формируется исходя из индивидуальных приоритетов и уязвимостей, обусловленных текущей международной обстановкой, ресурсным потенциалом, состоянием энергетической инфраструктуры, географическим положением, экономическими возможностями, политической системой и другими факторами. Более того, политика любого государства в области энергетической безопасности может зависеть от мнения граждан, а их восприятие проблем энергоснабжения может отличаться в зависимости от образования, профессиональной деятельности, места проживания, возраста или даже пола (Sovacool, 2016). Тем не менее подходы всех стран мира к проблеме энергетической безопасности во многом стереотипны и строятся главным образом в вышеуказанных трех базовых смыслах (Боровский, 2022).

В последнем десятилетии XX в. и еще более определенно в XXI в. проблема энергетической безопасности стала приобретать экологическое и климатическое измерение (Iyke, 2023; Luft, Korin & Gupta, 2011; Yergin, 2020; Боровский, 2022). В ежегодном «Прогнозе мировой энергетики», подготовленном в конце 2022 г. Международным энергетическим агентством (МЭА), отмечалось, что новая парадигма энергетической безопасности подразумевает не только надежность и (ценовую) доступность энергии, но и одновременное снижение вредных выбросов в атмосферу, в том числе в контексте осуществления глобального перехода к чистым, углеродно нейтральным источникам энергии³.

Российский взгляд на энергетическую безопасность

Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (ДЭБ), утвержденная в мае 2019 г., – документ, в котором наиболее содержательно и актуализировано изложено российское видение энергетической безопасности страны в современном международном контексте. Согласно ДЭБ, энергетическая безопасность – состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством

³ *The International Energy Agency (2022) World Energy Outlook. Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022/executive-summary> (accessed 16 March 2024).*

РФ требований к топливо- и энергоснабжению потребителей (имеется в виду надежность, эффективность, технологическая независимость, социальная ориентированность, экологичность и др.), а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств РФ⁴.

Хотя последняя Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации была опубликована до начала Специальной военной операции (СВО) России на Украине в феврале 2022 г. и последующей острой конфронтации России и Запада, в том числе в сфере энергетики, данный документ сохраняет свою актуальность.

Значимое место в документе занимает комплекс внешних вызовов, рисков и угроз, на которые России предстоит реагировать в обозримой перспективе. Они охватывают пять крупных типов угроз.

Во-первых, рост мирового предложения нефти, газа и угля, который вынуждает Россию, как ведущего экспортера этих энергоносителей, остро конкурировать с другими производителями и сталкиваться с высокой волатильностью цен, негативно влияющей на ее экономику.

Во-вторых, наращивание международных усилий по реализации климатической повестки и ускоренному переходу к «зеленой» экономике, что фундаментально меняет структуру мирового энергетического спроса, когда на смену нефти, газу и углю (главным составляющим энергетического экспорта России) стремительно приходят другие, прежде всего возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и технологии постуглеродной эпохи. Эти глобальные изменения требуют фундаментальной перестройки российской экономики и ТЭК, включая его экспортную составляющую.

В-третьих, введение определенным кругом иностранных государств дискриминационных и санкционных мер, направленных на ограничение доступа российских энергетических компаний к внешним экспортным рынкам, долгосрочному финансированию, современным технологиям и оборудованию, мешающих им осуществлять совместные проекты с иностранными партнерами, а также подрывающих единое функционирование энергетических систем России и других стран.

В-четвертых, сохраняющаяся технологическая зависимость ТЭК России от внешних поставщиков, создающая риски как для производства, так и для экспорта российских энергоносителей.

В-пятых, возникновение и эскалация на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, или в других регионах мира вооруженных конфликтов, угрожающих добыче, транспортировке или потреблению российских энергоресурсов, а также ограничивающих возможность использования российских технологий и оказания российскими организациями услуг в сфере энергетики⁵.

⁴ Доктрина энергетической безопасности РФ (утверждена указом президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216). Available at: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 16.03.2024).

⁵ Там же.

В ДЭБ Россия заявляет о своей поддержке международных усилий, направленных на противодействие изменению климата и защиту окружающей среды, а также о своей готовности к сотрудничеству в данной области. Вместе с тем она считает недопустимым рассмотрение климатических и экологических вопросов с предвзятой точки зрения, ущемление интересов государственных производителей ископаемых энергоресурсов и намеренное игнорирование таких аспектов устойчивого развития, как обеспечение всеобщего доступа к энергии и развитие чистых углеводородных энергетических технологий⁶.

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г.⁷, опубликованная в июне 2020 г., опирается, как отмечено в самом документе, на понимание энергетической безопасности, изложенное в ДЭБ 2019 г., включая обозначенный набор вызовов, угроз и рисков. В документе также говорится, что Россия, исходя из своих национальных интересов, ресурсного и интеллектуального потенциала, а также с учетом необходимости достижения Целей устойчивого развития (ЦУР), одобренных Генеральной Ассамблеей ООН, намерена вносить существенный вклад в обеспечение глобальной энергетической безопасности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (СНБ), утвержденной в июле 2021 г., говорится о важности «укрепления суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления»⁸. В документе отмечается, что энергетическая безопасность является частью всей системы обеспечения национальной безопасности страны. Отдельно указывается на риски, связанные с усилиями иностранных государств по установлению контроля над транспортными маршрутами и воспрепятствованию освоению Россией Арктики. В остальном СНБ повторяет положения, изложенные в ДЭБ 2019 г.⁹

И, наконец, Концепция внешней политики Российской Федерации, опубликованная в марте 2023 г. (уже после начала СВО) также касается проблематики энергетической безопасности. В документе констатируется, что безответственные макроэкономические решения ряда стран, их противоправные односторонние ограничительные меры и недобросовестная конкуренция, злоупотребление ими своим доминирующим положением создают глобальные экономические проблемы, затрагивающие, помимо прочего, энергетические рынки¹⁰.

⁶ Доктрина энергетической безопасности РФ (утверждена указом президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216). Available at: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-security-doctrine> (дата обращения: 16.03.2024).

⁷ Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года (утверждена распоряжением правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р). Available at: <https://minenergo.gov.ru/ministry/energy-strategy> (дата обращения: 16.03.2024).

⁸ Стратегия национальной безопасности РФ (утверждена указом президента РФ от 02.07.2021 г. №400). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.03.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом РФ 31 марта 2023 г. №229) Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.04.2024).

Россия является самодостаточной в энергетическом плане страной, а также крупным нетто-экспортером углеводородов и ведущим поставщиком энергетических технологий и услуг на мировом рынке. В вопросе обеспечения энергетической безопасности руководство страны обеспокоено тем, чтобы национальный ТЭК был в состоянии стабильно, эффективно, независимо и экологично обеспечивать экономику страны и граждан доступными энергоресурсами и энергией, а также на должном высоком уровне выполнять свои экспортные функции в контексте трансформирующейся мировой энергетики, острой конкуренции, а также дискриминационных, политизированных действий других государств. В российском подходе сплелись воедино все три стереотипа в понимании энергетической безопасности – безопасность энергетического спроса, безопасность энергоснабжения и энергетическая независимость.

Трактуя энергетическую безопасность в защитном ключе и реагируя на дискриминационные, политизированные действия других стран в отношении российского ТЭК, Россия не может не политизировать энергетику и смотрит (возможно, вынужденно) на нее как на инструмент межгосударственного соперничества. Демонстрируя решительность в противостоянии внешнему давлению, страна одновременно сохраняет открытость к любому конструктивному международному сотрудничеству. Как представляется, российское понимание энергетической безопасности кооперационно и неконфронтационно по своей сути, однако допускает жесткие ответы на недружественные действия других стран и их объединений.

Китайское видение энергетической безопасности

В декабре 2020 г. Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало стратегический документ «Энергетика в новую эру Китая» (первый аналогичный документ был представлен в 2014 г.). В нем указывается на два обстоятельства. Во-первых, после XVIII Всекитайского съезда КПК, состоявшегося в ноябре 2012 г., Китай вступил в новую эру. Во-вторых, в июне 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул новую и актуальную по настоящее время стратегию энергетической безопасности страны, которая построена вокруг четырех реформ и одного сотрудничества.

Первая реформа связана с устранением ненужного энергопотребления или, иными словами, повышением энергоэффективности; вторая – с диверсификацией энергоснабжения; третья – с совершенствованием энергетических технологий; четвертая – с оптимизацией административной системы для ускорения роста энергетического сектора. Одно сотрудничество заключается в готовности КНР к «всестороннему сотрудничеству с другими странами с целью обеспечения энергетической безопасности в открытой среде»¹¹.

¹¹ *The State Council Information Office of the People's Republic of China* (2020) Energy in China's New Era. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202012/21/content_WS5fe0572bc6d0f725769423cb.html (accessed 16 April 2024).

В марте 2021 г. Всекитайское собрание народных представителей утвердило 14-й пятилетний план КНР на 2021–2025 гг. Данный документ является центральным с точки зрения национального стратегического развития. Его немалая часть посвящена энергетике Китая и проблеме энергетической безопасности.

Согласно плану, китайское руководство выделяет безопасность снабжения страны ископаемыми энергетическими ресурсами в отдельное стратегическое направление. Оно ориентировано на укрепление ресурсной базы КНР с учетом имеющихся запасов и технологий; диверсификацию и расширение источников нефтегазового импорта; поддержку безопасности стратегических каналов и узлов транспортировки углеводородов в направлении Китая; совершенствование системы стратегических нефтегазовых резервов страны, а также развитие тех международных механизмов ценообразования и торговли углеводородами, в которых КНР отводится центральное место, в т.ч. за счет перехода на расчеты в национальной валюте. Понимая, что уголь по-прежнему служит основой энергетической безопасности страны, китайские власти рассчитывают придерживаться разумного подхода в процессе отказа от угля и перехода на другие источники энергии¹².

По состоянию на 2022 г. доля нефти в энергобалансе Китая составляла 18% (70% – импорт), доля газа – 9% (40% – импорт). В будущем зависимость Китая от импортного газа будет только расти по мере его отказа от угля (55% в энергобалансе, 0% зависимость от импорта в 2022 г.) как наиболее экологически и климатически вредного источника энергии, даже несмотря на достаточность угольных запасов¹³.

Строительство современной энергетической системы КНР определено пятилетним планом в качестве еще одного стратегического направления национального развития, от которого зависит энергетическая безопасность страны. Пекин намерен совершить «энергетическую революцию» – создать чистую, низкоуглеродную, безопасную и одновременно эффективную энергосистему, способную улучшить возможности национального энергообеспечения в современных условиях. В частности, речь идет о создании разноисточниковых взаимодополняющих баз чистой энергетики (англ. “*multi-energy complementarity clean energy bases*”), интеллектуальной трансформации электросетей, увеличении каналов передачи сверхвысокого напряжения (англ. “*ultra-high-voltage (UHV)*”), внедрении новейших технологий накопления энергии, развитии водородной энергетики, масштабной электрификации

¹² *Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035* (approved by National People's Congress in March 2021). Available at: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed 18 March 2024).

¹³ *BP (2023) Statistical Review of World Energy*. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 12 March 2024).

транспорта и перспективных исследованиях в сфере квантовой энергетики, фотоники, микро- и нанoeлектроники, биотехнологии, искусственного интеллекта, синхротронного излучения¹⁴.

Наконец, реагирование на изменение климата, которое нельзя рассматривать в отрыве как от традиционной, так и новой углеродно нейтральной энергетики, фигурирует в плане в качестве отдельного стратегического трека. В сентябре 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин пообещал, что Китай достигнет пика выбросов парниковых газов до 2030 г., а углеродной нейтральности – до 2060 г.¹⁵ Данные цели впоследствии были зафиксированы в 14-м пятилетнем плане КНР. В документе также говорится, что Китай будет не только продвигать чистую энергетику, но и осуществлять эффективный контроль за выбросами парниковых газов, улучшит способность национальной экосистемы поглощать углерод, а также будет конструктивным партнером в международном сотрудничестве по климату как в рамках ООН, так и по линии Юг-Юг.

В ряде современных исследований Китай относят к главным драйверам глобальной климатической гонки и «энергетического перехода» (Гаранина, 2021), хотя до 2011 г. он категорически отказывался брать на себя какие-либо обязательства по ограничению выбросов, но затем стал фактическим конкурентом ЕС и США в движении к углеродной нейтральности (Lazard, 2021). В 2005 г. КНР стала крупнейшим источником парниковых газов в мире, обогнав по этому показателю США (6,8 против 6,2 млрд тонн CO₂-экв.). В 2022 г. на КНР приходилось уже 12,0 млрд тонн CO₂-экв., в то время как на США – только 5,2 млрд тонн CO₂-экв.¹⁶

Таким образом, в Китае понимание энергетической безопасности выстроено с фокусом на безопасность энергоснабжения страны, а также на достижение энергетической независимости в контексте четвертого «энерготехнологического перехода». Данный подход вполне закономерен, поскольку Китай критически зависит от импорта углеводородов, а также является крупнейшим в мире источником парниковых газов (Бобылев, Барабошкина, Джу, 2020). Вместе с тем Пекин повсеместно подчеркивает неагрессивность политики КНР в области энергетической безопасности, ее неполитизированность и ненаправленность против каких-либо стран, а также готовность к разноплановому международному энергетическому сотрудничеству. Такое понимание энергетической безопасности кооперационно по своей сути и, в сущности, является моделью позитивной, неконфликтной энергетической политики.

¹⁴ *Outline of the People's Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035* (approved by National People's Congress in March 2021). Available at: <https://cset.georgetown.edu/publication/china-14th-five-year-plan/> (accessed 18 March 2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ BP (2023) *Statistical Review of World Energy*. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 12 March 2024).

Американский взгляд на энергетическую безопасность

Современная энергетическая политика США является отражением взглядов администраций президента Д. Трампа (2017–2021 гг.) и Дж. Байдена (2021–2025 гг.), представляющих Республиканскую и Демократическую партии. В нынешнем столетии республиканцы продолжают делать ставку на традиционную энергетику, связанную с ископаемыми ресурсами (нефть, газ, уголь), а демократы активно лоббируют скорейший переход на углеродно нейтральные источники энергии (Боровский, 2023). Вместе с тем и одни, и другие неизменно считают обеспечение энергетической безопасности одним из важнейших приоритетов страны.

Администрация Трампа, исходя из Стратегии национальной безопасности (СНБ) США, принятой в декабре 2017 г., связывает обеспечение энергетической безопасности Соединенных Штатов и всего мира с защитой глобальной энергетической инфраструктуры от кибернетических и физических угроз, диверсификацией источников энергии, поставщиков и маршрутов поставки энергоносителей, а также наличием стратегических нефтяных резервов. В деле обеспечения энергетической безопасности США готовы действовать совместно с союзниками и партнерами, оказывая им необходимую поддержку. Вместе с тем в стратегии говорится, что доступ к внутренним источникам чистой, доступной по цене и надежной энергии является «основой процветающей, безопасной и могущественной Америки на десятилетия вперед»¹⁷. В этом смысле администрация Трампа не отвергает «зеленую» энергетику, но видит ее в качестве основы энергоснабжения США в более отдаленном будущем. Россия обвиняется в документе в использовании энергетики для усиления своего международного влияния¹⁸.

Администрация Байдена, согласно СНБ от октября 2022 г., предпочитает говорить о климатической и энергетической безопасности (англ. “*climate and energy security*”). Данная «связка» неслучайна и объясняется в стратегии тем, что долгосрочная энергетическая безопасность США и всего мира зависит от чистой энергии – возобновляемой и иной. По мнению команды Байдена, внедрение чистой энергии способно не только решить глобальный климатический кризис – «экзистенциальный вызов» человечества и проблему национальной безопасности США, – но и устранить угрозы, исходящие от государств-экспортеров, использующих нефть и газ в политических целях, таких как Россия¹⁹.

¹⁷ *Trump White House - National Archives* (2017) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 19 March 2024).

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ *The White House* (2022) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 19 March 2024).

Вместе с тем, признавая, что переход на чистую энергию случится не скоро, администрация Байдена подтверждает готовность США обеспечивать энергетическую безопасность в текущих условиях совместно с союзниками и партнерами, в том числе на различных институциональных уровнях. Подчеркивается важность не только безопасного доступа стран мира к важнейшим цепочкам поставок ископаемых энергоносителей, но и ценовой доступности энергии. В стратегии не говорится о необходимости развития стратегических нефтяных резервов, однако постоянно указывается на важность скорейшей замены ископаемого топлива чистыми источниками энергии²⁰.

По большому счету во взглядах администраций Д. Трампа и Дж. Байдена на энергетическую безопасность нет принципиальных расхождений. И первая, и вторая ратуют за то, чтобы мировая система энергоснабжения могла работать в защищенном режиме (в том числе относительно политизированных, злонамеренных и нерыночных действий некоторых экспортеров); была доступна всем, а цены на энергоносители находились на приемлемом уровне. В долгосрочном плане администрация Дж. Байдена связывает энергетическую безопасность с чистой энергетикой, а администрация Д. Трампа считает, что в будущем США будут опираться на чистые энергоносители и технологии.

Со времен нефтяных кризисов 1970-х гг. в американском дискурсе укоренилась практика отождествления двух понятий – энергетической безопасности и энергетической независимости (Nakes, 2008). Еще в ноябре 1973 г. президент Р. Никсон в рамках проекта «Независимость» (*Project Independence*) поставил задачу нивелировать критическую зависимость США от импортных углеводородов (Brown, 2002). Однако только «сланцевая революция», свершившаяся в США в конце 2000-х гг., сделала эту задачу достижимой. В СНБ, принятой администрацией Б. Обамы в феврале 2015 г., отмечалось, что США, обретающие энергетическую независимость, становятся мировым энергетическим лидером, способным защитить не только себя, но и союзников от «энергетического оружия» некоторых нефтегазовых экспортеров, прежде всего России²¹.

Д. Трамп, в годы президентства которого США стали нетто-экспортерами нефти и газа, провозгласил курс США на глобальное энергетическое доминирование (англ. *“energy dominance”*). В СНБ от декабря 2017 г. отмечалось, что впервые за многие поколения Соединенные Штаты станут страной, доминирующей в мировой энергетике. Под глобальным энергетическим доминированием США в документе понималось их центральное место в мировой

²⁰ *The White House* (2022) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 19 March 2024).

²¹ *Obama White House – National Archives* (2015) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed 19 March 2024).

энергетической системе – в качестве производителя, потребителя и новатора. Глобальное энергетическое доминирование США объявлялось условием, при котором мировые энергетические рынки будут свободными, американская энергетическая инфраструктура устойчивой и защищенной, мировой доступ к энергии диверсифицированным, а отношение к окружающей среде приоритетным. Немаловажно, что глобальное энергетическое доминирование США связывалось администрацией Д. Трампа не только с существенными запасами углеводородов, ставшими доступными благодаря «сланцевой революции», но и с возобновляемой и иной инновационной энергетикой, развиваемой в стране²².

Администрация Дж. Байдена, судя по официальным документам и заявлениям, не педалирует статус США как энергетически независимой и доминирующей державы, поскольку сегодня он в большей степени связан с климатически вредной углеводородной энергетикой. Вместе с тем она говорит о климатической и энергетической безопасности, пытаясь тем самым переключить США и весь мир на новую парадигму обеспечения энергетической безопасности, в которой чистые источники энергии играют главенствующую роль, а Соединенные Штаты являются страной, определяющей «правила игры» и осуществляющей должный контроль, в том числе в своих экономических и геополитических интересах²³.

Соединенные Штаты совсем недавно были выраженным, уязвимым нетто-импортером углеводородов²⁴, однако благодаря «сланцевой революции» превратились в их нетто-экспортера. Как следствие, США продолжают, возможно, в инерционном режиме остро понимать энергетическую безопасность в смысле безопасности энергоснабжения и энергетической независимости, однако все более отчетливо усиливают трактовку этой проблемы с точки зрения безопасности энергетического спроса. Вместе с тем претензии США на глобальное доминирование в полной мере распространились на сферу энергетики, что прослеживается в риторике последних администраций. Первая связывает это доминирование (и «наступательный» курс) преимущественно с традиционной энергетикой, вторая – с чистой, углеродно нейтральной. При этом США в существенной степени политизируют собственное видение энергетической безопасности, видя своей важной задачей противодействие странам, использующим углеводороды и энергию в политических целях,

²² *Trump White House - National Archives* (2017) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 19 March 2024).

²³ *The White House* (2022) The National Security Strategy of the United States of America. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 19 March 2024).

²⁴ Прим. автора: в 2022 г. на углеводороды приходилось в американском энергобалансе 71%. См.: *BP* (2023) *Statistical Review of World Energy*. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 12 March 2024).

в первую очередь России. Подобный взгляд на энергетическую безопасность создает значительный потенциал для конфликта с другими странами, прежде всего незападными экспортерами углеводородов.

Энергетическая безопасность в дискурсе ЕС

На сегодняшний день в Европейском союзе, члены которого критически зависят от импорта ископаемых энергоносителей (в 2022 г. доля нефти, газа, угля в энергобалансе ЕС составила 71%, из которых импорт – 85%²⁵), есть концептуально оформившееся понимание энергетической безопасности. Еще в документах, принятых Европейской комиссией в 1993–2013 гг.²⁶, энергетическая безопасность ЕС рассматривалась в первую очередь через призму безопасности (или надежности) импортных поставок энергии. Параллельно указывалось на проблему конкурентоспособности (или ценовой доступности) и устойчивости (или экологичности) энергоснабжения в рамках единой Европы. Таким образом, можно говорить о сложившейся уже к середине 2010-х гг. триаде энергетической безопасности ЕС: надежность, доступность и экологичность (Кавешников, 2023).

В мае 2014 г. Европейская комиссия, реагируя на украинский кризис, впервые представила Европейскую стратегию в области энергетической безопасности (далее – ЕСЭБ), где более обстоятельно объяснила свое видение энергетической безопасности объединенной Европы²⁷. В документе было отмечено, что зимние перебои с поставками российского газа в начале 2006 и 2009 гг. сильно ударили по гражданам ЕС в ряде восточных государств-членов и, впервые со времен нефтяных кризисов 1970-х гг., стали тревожным сигналом для всего союза.

С точки зрения Брюсселя, европейская стратегия в области энергетической безопасности должна строиться вокруг решения двух главных задач. Первая, краткосрочная и среднесрочная, состоит в эффективной защите стран-членов от возможных перебоев с поставками импортных энергоносителей. Вторая, долгосрочная, заключается в фундаментальном устранении критической зависимости Евросоюза и стран-членов от отдельных видов импортного топлива, импортеров энергии и маршрутов доставки импортных энергоносителей. Решать поставленные задачи предлагается за счет диверсификации внешних поставщиков и источников энергии, строительства новой энерготранспортной инфраструктуры, сокращения энергопотребления

²⁵ BP (2023) Statistical Review of World Energy. Available at: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (accessed 12 March 2024).

²⁶ *Green Paper. Towards a European strategy for the security of energy supply* (2000) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52000DC0769> (accessed 20 March 2024).

Green Paper. A 2030 framework for climate and energy policies (2013) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0169:FIN:en:PDF> (accessed 20 March 2024).

²⁷ *European Energy Security Strategy* (2014) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0330> (accessed 20 March 2024).

и повышения энергоэффективности, увеличения собственного производства энергии, в том числе за счет новых возобновляемых и иных энергетических технологий, а также солидарного, единого и транспарентного взаимодействия с внешними поставщиками. В ЕСЭБ повторяется тезис о том, что ЕС нуждается не только в безопасной (или надежной), но и конкурентной (т.е. приемлемой по цене) и устойчивой (т.е. экологичной и климатически нейтральной) энергии²⁸.

В феврале 2015 г. Еврокомиссия представила Рамочную стратегию формирования устойчивого Энергетического союза с перспективной политикой в области изменения климата²⁹. В части энергобезопасности документ повторял и усиливал тезисы, изложенные в ЕСЭБ 2014 г. В декабре 2019 г. Еврокомиссия (в рамках «Европейского зеленого курса») заявила, что Европейский союз, осуществляя свой «зеленый», климатически нейтральный переход, должен ставить во главу угла безопасное и диверсифицированное снабжение ресурсами, необходимыми для чистых технологий³⁰.

Для защиты экономики союза от дешевого импорта из стран, которые, в отличие от стран ЕС, не ставят перед собой высоких задач в области «зеленой» энергетики и климата, Брюссель пошел на внедрение Механизма трансграничного углеродного регулирования (МТУР, англ. *“Carbon Border Adjustment Mechanism”*). Он полноценно заработает в 2026 г. после переходного периода и на первом этапе станет применяться к импортируемым в ЕС железу, стали, алюминию, цементу, удобрениям, водороду и электричеству, а впоследствии охватит другие товары, что ощутимо ударит по «незеленым» экспортерам. Эта мера, помимо ее защитных функций, также призвана побуждать торговых партнеров ЕС активнее двигаться к их собственной углеродной нейтральности.

Хотя задачи ЕС в области энергетической безопасности напрямую не увязывались с вызовами и угрозами, якобы исходящими от России, из общего контекста было очевидно, что именно Москва является для Брюсселя главным «возмутителем спокойствия» в области энергоснабжения (Хлопов, 2023; Goldthau, 2016). Секьюритизация России как якобы ненадежного поставщика газа и энергоносителей в целом происходила в ЕС поэтапно: сначала в контексте первого и второго российско-украинских газовых конфликтов (в начале 2006 и 2009 гг. соответственно), затем украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 г. (Боровский & Шишкина, 2021b; Tichý, 2019).

²⁸ *European Energy Security Strategy* (2014) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0330> (accessed 20 March 2024).

²⁹ *EUR-Lex* (2015) Energy Union Package. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (accessed 20 March 2024).

³⁰ *European Commission* (2019) The European Green Deal. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/story-von-der-leyen-commission/european-green-deal_en (accessed 20 March 2024).

Финальным «триггером» в процессе секьюритизации российских энергетических поставок в ЕС стали начавшаяся в феврале 2022 г. СВО России на Украине и последующая конфронтация Брюсселя и Москвы (Кавешников, 2023; Хлопов, 2023; Siddi, 2022).

Следует отдельно отметить, что газовая директива, принятая в ЕС в 2009 г. и вошедшая в так называемый Третий энергетический пакет, была призвана противодействовать монополизации европейского газового рынка, прежде всего со стороны российского «Газпрома». В Брюсселе определенно не хотели, чтобы у Москвы был рычаг давления на страны ЕС и союз в целом (Боровский & Шишкина, 2021a).

Опираясь на имеющиеся представления и наработки, Еврокомиссия уже в начале марта 2022 г. предложила план *“REPowerEU”* – пакет экстренных мер для ликвидации энергозависимости Европейского союза от России³¹. В мае была обнародована более детальная версия этого плана³². В качестве направлений действий в ней обозначались форсированная диверсификация поставок российского газа, прежде всего за счет создания новых возможностей для импорта сжиженного природного газа (СПГ), ускорение реализации программ повышения энергоэффективности, развития ВИЭ и увеличения мощностей по хранению энергии. Ряд мер, обозначенных в *“REPowerEU”*, предполагалось реализовать в срочном порядке – до конца 2022 г., в то время как другие были рассчитаны до конца текущего десятилетия³³.

Примечательно, что Брюссель связал *“REPowerEU”* с *“Fit for 55”*³⁴ – пакетом амбициозных законодательных мер Еврокомиссии в области перехода ЕС к углеродно нейтральной энергетике. По мнению Брюсселя, форсированный отказ ЕС от импорта ископаемого топлива из России должен положительно повлиять на движение стран союза к их климатической нейтральности к 2050 г.³⁵ Заявленная в *“Fit for 55”* цель ЕС по достижению климатической нейтральности к 2050 г. напрямую не увязывается Брюсселем с достижением союзом энергетической независимости, однако де-факто именно это должно произойти в силу отказа от импортного ископаемого топлива и перехода на собственные углеродно нейтральные источники.

Таким образом, в Брюсселе сложилось четкое видение энергетической безопасности Европейского союза, присущее ярко выраженному нетто-импортеру. В фокусе находится в первую очередь надежное, а также доступное в ценовом плане и устойчивое (в экологическом и климатически

³¹ *EUR-Lex* (2022) REPowerEU: Joint European Action for more affordable, secure and sustainable energy. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A108%3AFIN> (accessed 20 March 2024).

³² *EUR-Lex* (2022) REPowerEU Plan. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN> (accessed 20 March 2024).

³³ *Ibid.*

³⁴ *European Council of the European Union* (n.d.) Fit for 55. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/> (accessed 22 March 2024).

³⁵ *EUR-Lex* (2022) REPowerEU Plan. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A230%3AFIN> (accessed 20 March 2024).

нейтральном смысле) энергоснабжение ЕС. При этом риски Евросоюза в этой области в большой степени политизированы и увязываются главным образом с Россией. Стремление ЕС к климатической нейтральности в контексте «энергоперехода» косвенно указывает на то, что в Брюсселе трактуют энергетическую безопасность не только как безопасность энергоснабжения, но и как энергетическую независимость. Внедрение МТУР подчеркивает как защитный, так и наступательный характер энергетической политики ЕС. Вместе с тем Брюссель определенно ставит продвижение собственных энергетических интересов выше взаимовыгодного, равноправного энергетического сотрудничества с другими странами.

Заключение

Россия, КНР, США и ЕС видят энергетическую безопасность в защитном ключе, а США и ЕС – еще и в наступательном, что может создавать почву как для сотрудничества, так и для конфликта и соперничества. Все рассматриваемые субъекты считают своим приоритетом безопасность энергоснабжения, что может быть условием как для сближения позиций, так и для конфликта. Однако их общее стремление к энергетической независимости, а также желание России и США обеспечить безопасность энергетического спроса имеют явный конфликтный потенциал. США, ЕС и Россия, в отличие от КНР, определенно политизируют собственное понимание энергетической безопасности, предъявляя обвинения противоположной стороне в использовании «энергетического оружия», что только усиливает конфликтный потенциал их энергетических отношений. Тогда как Россия и КНР демонстрируют открытость относительно международного энергетического сотрудничества, США и ЕС больше настроены на продвижение собственных энергетических интересов, в том числе через конфронтацию (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Понимание энергетической безопасности Россией, КНР, США, ЕС³⁶
Table 1. The Vision of Energy Security in Russia, China, USA, EU

Понимание энергетической безопасности	Россия	КНР	США	ЕС	Кооперационный / конфликтный потенциал относительно внешнего взаимодействия
<i>Энергетическая безопасность с точки зрения безопасности энергоснабжения</i>	√	√	√	√	Кооперационный и конфликтный
<i>Энергетическая безопасности с точки зрения энергетической независимости, в том числе в рамках «энергоперехода»</i>	√	√	√	√	Конфликтный
<i>Энергетическая безопасность с точки зрения безопасности энергетического спроса</i>	√		√		Конфликтный

³⁶ Источник: составлено автором.

Понимание энергетической безопасности	Россия	КНР	США	ЕС	Кооперационный / конфликтный потенциал относительно внешнего взаимодействия
Видение энергетической безопасности в защитном ключе	√	√	√	√	Кооперационный и конфликтный
Видение энергетической безопасности в наступательном ключе			√	√	Конфликтный
Политизация понимания энергетической безопасности	√		√	√	Конфликтный
Открытость к международному энергетическому сотрудничеству (А) / Навязывание собственной энергетической повестки (В)	А	А	В	В	Россия, КНР – кооперационный; США, КНР – конфликтный

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Барабошкина А.В., Джу С. (2020) Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая. *Государственное управление. Электронный вестник* 82: 114–139. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-14-25.
2. Борисов М.Г. (2020) Энергетический переход и геополитика. *Восточная аналитика* 1: 7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016.
3. Боровский Ю.В. (2022) *Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.)*. Москва: Аспект Пресс.
4. Боровский Ю.В. (2023) *Две Америки в современных международных отношениях (1991–2023 гг.)*. Москва: Аспект Пресс.
5. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. (2021a) Приоритетные цели энергетической политики ЕС. *Современная Европа* 3: 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127.
6. Боровский Ю.В., Шишкина О.В. (2021b) Секьюритизация энергоснабжения в рамках Евросоюза. *Вестник МГИМО Университета* 3: 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81.
7. Гаранина О.Л. (2021) Повестка энергетического перехода: вызовы для России в контексте пандемии. *Российский внешнеэкономический вестник* 4:40–52. DOI: 10.24412.2072-8042-2021-4-40-52.
8. Гулиев И.А., Соловова Ю.В. (2021) Энергетический переход: понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода. *Вестник Алтайской академии экономики и права* 10–2: 98–105. DOI: 10.17513/vaael.1874.
9. Кавешников Н.Ю. (2023) *Реакция Евросоюза на энергетический кризис 2022 г. Аналитическая записка (РСМД)*. М.: РСМД.
10. Хлопов О.А. (2023) Эволюция энергетического сотрудничества России и ЕС: проблемы и перспективы. *Вопросы национальных и федеративных отношений* 3 (96): 1126–1136. DOI: 10.35775/PSI.2023.96.3.033.
11. Brown C.E. (2002) *World energy resources*. New York: Springer.
12. Goldthau A. (2016) *Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU Central Eastern Europe & the UK*. London: EUCERS.
13. Hakes J. (2008) *A Declaration of Energy Independence*. New Jersey: John Wiley & Sons.
14. Iyke B.N. (2023) Climate change, energy security risk, and clean energy investment. *Energy Economics* 129. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107225.
15. Luft G., Korin A., Gupta E. (2011) Energy Security and Climate Change: A Tenuous Link. In Sovacool B. (ed.) *The Routledge Handbook of Energy Security*. New York: Routledge, pp. 43–55.

16. Schelly C., Bessette D. et al. (2020) Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy* 205: 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.
17. Siddi M. (2022) EU-Russia Energy Relations. In Knodt M., Kemmerzell J. (eds) *Handbook of Energy Governance in Europe*. Springer, Cham, pp. 237–261.
18. Sovacool B.K. (2016) Differing cultures of energy security: An international comparison of public perceptions. *Renewable and Sustainable Energy Reviews* 55(C): 811–822. DOI: 10.1016/j.rser.2015.10.144.
19. Tichý L. (2019) EU political discourse on the energy security relations with Russia. *European Political Science* 19(3): 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x.
20. Yergin D. (2020) *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. London: Penguin Press.

Comparative Politics. Volume 15. No. 2. April–June / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-2-15-1

THE VISION OF ENERGY SECURITY BY KEY POWER CENTERS (RUSSIA, CHINA, USA, AND THE EU)

Dr. Yury V. BOROVSKY – Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-8855-5147. E-mail: yuribor@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation within international project №24-48-10015 “Transformation of Military–Political, Energy and Social–Humanitarian Aspects of the European Security System: Importance for the Union State”.

Received March 26, 2024

Accepted May 7, 2024

Abstract: The 2020s have witnessed increasing instability in energy security. The COVID-19 pandemic, which profoundly impacted the global economy and energy industry; the fierce confrontation between Russia and the West over the war in Ukraine, which has significantly disrupted global energy supplies; the ongoing tensions of tensions in the hydrocarbon-rich Middle East; and imbalances arising from the fourth energy transition are among the key factors destabilizing the global energy supply system, resulting in high volatility in energy prices. Countries’ approaches to energy security remain largely conventional, focusing on three core aspects: security of energy supply, energy independence, and security of energy demand.

This study comprehensively analyzes the current understanding of energy security by Russia, China, the USA, the EU, based on their fundamental doctrinal documents. The findings indicate that Russia, as a self-sufficient country and major energy exporter, views its energy security through the lenses of security of energy demand, security of energy supply, and energy independence. China prioritizes security of energy supply and strives for energy independence amid the energy transition, a natural approach given its critical dependence on hydrocarbon imports and status as the world’s largest source of greenhouse gases. The United States, despite becoming a net oil and gas exporter, continues to prioritize security of energy supply and energy independence, with

an increasing emphasis on security of energy demand. The European Union, critically dependent on hydrocarbon imports, focuses primarily on security of energy supply and energy independence within the context of the energy transition.

While Russia, China, the US, and the EU predominantly view energy security defensively, the US and the EU also adopt an offensive stance. Unlike China, the US, the EU, and Russia politicize their understanding of energy security. Despite this, Russia and China demonstrate openness to international energy cooperation, whereas the US and the EU are more inclined to promote their energy sector interests through confrontation.

Keywords: Russia, China, USA, EU, energy security, security of energy supply, energy independence, security of energy demand, energy transition

References:

1. Bobylev S.N., Baraboshkina A.V., Dzhu S. (2020) Prioritety nizkouglerodnogo razvitiya dlya Kitaya [Low-carbon development priorities for China] *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]* 82: 114–139. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-4-14-25. (In Russian).
2. Borisov M.G. (2020) Energeticheskii perekhod i geopolitika [Energy transitions and geopolitics]. *Vostochnaya analytika [Eastern analytics]* 1:7–16. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-007-016. (In Russian).
3. Borovsky Yu.V. (2022) *Mezhdunarodnoe izmerenie energeticheskoi bezopasnosti (1991–2021) [The international dimension of energy security: Russia and the world (1991–2021)]*. Moscow, Aspect Press. (In Russian).
4. Borovsky Yu.V., Martynov B.F. (2023) *Dve Ameriki v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (1991–2023) [Two Americas in Modern International Relations (1991–2023)]*. Moscow, Aspect Press. (In Russian).
5. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. (2021a) Prioritetnye tseli energeticheskoi politiki ES [Priority objectives of the EU energy policy]. *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 3: 117–127. DOI: 10.15211/soveurope32021117127. (In Russian).
6. Borovsky Yu.V., Shishkina O.V. (2021b) Sekuritizatsiya energosnabzheniya v ramkah Evrosoyuza [Securitization of energy supply within the European Union]. *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations]* 3: 57–81. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-57-81. (In Russian).
7. Brown C.E. (2002) *World energy resources*. New York: Springer.
8. Garanina O.L. (2021) Povestka energeticheskogo perekhoda: vyzovy dlya Rossii v kontekste pandemii [The energy transition agenda: challenges for Russia in the context of the pandemic]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Bulletin]* 4: 40–52. DOI: 10.24412.2072-8042-2021-4-40-52. (In Russian).
9. Goldthau A. (2016) *Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU Central Eastern Europe & the UK*. London: EUCERS.
10. Guliev I.A., Solovova Yu.V. (2021) Energeticheskii perekhod: ponyatie i istoricheskii analiz. Osobennosti tekushchego energeticheskogo perekhoda [Energy transition: concept and historical analysis. Features of the current energy transition]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]* 10–2: 98–105. DOI: 10.17513/vaael.1874. (In Russian).
11. Hakes J. (2008) *A Declaration of Energy Independence*. New Jersey: John Wiley & Sons.
12. Lyke B.N. (2023) Climate change, energy security risk, and clean energy investment. *Energy Economics* 129. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107225.
13. Kaveshnikov N. Yu. (2023) *Reaktsia Evrosoyuza na energeticheskii krizis 2022 g. Analyticheskaya zapiska (RSMD) [The EU's response to the 2022 energy crisis. Analytical Note (RIAC)]*. Moscow: RIAC. (In Russian).

14. Khlopov O.A. (2023) Evolutsia energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i ES: problem i perspektivy [The evolution of energy cooperation between Russia and the EU: problems and prospects]. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnoshenii [Issues of national and federal relations]* 3 (96): 1126–1136. DOI: 10.35775/PSI.2023.96.3.033. (In Russian).
15. Luft G., Korin A., Gupta E. (2011) Energy Security and Climate Change: A Tenuous Link. In Sovacool B. (ed.) *The Routledge Handbook of Energy Security*. New York: Routledge, pp.
16. Schelly C., Bessette D. et al. (2020) Energy policy for energy sovereignty: Can policy tools enhance energy sovereignty? *Solar Energy* 205: 109–112. DOI: 10.1016/j.solener.2020.05.056.
17. Siddi M. (2022) EU-Russia Energy Relations. In Knodt M., Kemmerzell J. (eds) *Handbook of Energy Governance in Europe*. Springer, Cham, pp. 237–261.
18. Sovacool B.K. (2016) Differing cultures of energy security: An international comparison of public perceptions. *Renewable and Sustainable Energy Reviews* 55(C): 811–822. DOI: 10.1016/j.rser.2015.10.144.
19. Tichý L. (2019) EU political discourse on the energy security relations with Russia. *European Political Science* 19(3): 603–621. DOI: 10.1057/s41304-019-00229-x.
20. Yergin D. (2020) *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations*. London: Penguin Press.